

БИБЛЕИЗМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В статье рассматривается вопрос функционирования в лирике М. Ю. Лермонтова библеизмов, т. е. слов, устойчивых сочетаний слов и более крупных отрезков текста, прямо или косвенно восходящих к тексту Библии. Исследуется семантика религиозных номинаций в контексте поэтических произведений М. Ю. Лермонтова, особенности их использования в создании художественного образа и отражении авторского мировоззрения. Приводится классификация библеизмов.

Одним из важнейших направлений современной лингвистики является изучение особенностей языка писателей, выявление специфики использования единиц языка разных уровней и различных тематических групп. Объектом нашего внимания стали библеизмы, представляющие собой слова, устойчивые словосочетания и целые фразы, восходящие к Библии. В последние годы в обществе возрос интерес к церкви и непосредственно к Библии и принимаются меры, чтобы без искажений возвратиться к жизни и слова, и стоящие за ними высоко нравственные понятия. Однако до последнего времени в русском языке исследовалась преимущественно фразеология, восходящая к Ветхому и Новому Завету. Вне научного изучения, как правило, оставались слова и целые выражения, которые либо заимствованы из Библии, либо подверглись семантическому воздействию библейских текстов, особенно это касается библеизмов религиозного характера. Поэтому в настоящее время необходимо не частичное, а всестороннее исследование библейских элементов во всем их многообразии. Один из путей этого – изучение использования библеизмов в русской художественной литературе.

Творчество М. Ю. Лермонтова – очень сложное явление в истории литературной жизни России. Поэт, проживший всего 26 лет и оставивший относительно небольшое литературное наследие, до сих пор остается неразгаданной и до конца не понятой личностью. В литературной критике творчества М. Ю. Лермонтова, начиная с прижизненных публикаций и заканчивая сегодняшним днем, можно наблюдать острую борьбу мнений, подчас полностью противоположных, искусственные выпрямления, идейные затемнения и неизбежное проявление исторической ограниченности – черты, в которых отразился ход развития русской истории и русской культуры со всеми его противоречиями [4, 24].

В православно-христианской России изучение Закона Божьего было обязательным во всех учебных заведениях. Поэтому не только высокообразованные, но и просто грамотные люди хорошо знали многие библейские притчи, изречения, афоризмы. А русская интеллигенция была буквально пропитана библеизмами, широкое распространение которых в русском языке может быть подтверждено многочисленными примерами из художественных, публицистических, эпистолярных и прочих произведений.

Неудивительно, что Библия (ее тематика, сюжеты, образы, лексика, фразеология) занимала важное место как в творчестве, так и в повседневной жизни М. Ю. Лермонтова.

О том, как высоко ценил М. Ю. Лермонтов Библию, известно по некоторым фактам его биографии. Изучение жизни и творчества писателя позволяет сказать, что духовный рост его был огромным, отношение к вере уважительным и искренним.

Философско-религиозные взгляды М. Лермонтова

представляют, вне всякого сомнения, громадный интерес, так как они, пожалуй, больше, чем все другие элементы его мировоззрения, могут способствовать пониманию его личности. Окрашенные религиозным чувством, одним из наиболее глубоких и интимных у человека, эти взгляды, бесспорно, имеют очень важное значение для уяснения подлинной основы психической жизни поэта [4, 98].

Тексты М. Лермонтова обнаруживают следы внимательного чтения библейских книг обоих заветов. Ветхий Завет – это так называемая Иудейская Библия, написанная на древнееврейском языке и включающая описание зарождения и развития жизни на земле до рождения Иисуса Христа. Новый завет – это собственно христианская часть Библии.

С точки зрения структурной организации библейские элементы в поэзии М. Лермонтова представлены следующим образом:

1) Используются различные группы **слов-библеизмов** (самая обширная группа):

- антропонимы

–Иуда:

Отовсюду

Гоняли наглого Иуду... [3, III, 57]

Пришло Иуде наказание... [3, III, 57]

Иуда! мыслит мой улан... [3, V, 189]

– Каин:

Один, всегда один, отверженный, как Каин,

Бог знает, за чьё

Преступленьё... [3, V, 104]

– Моисей:

Отец мой сказал, что закон Моисея

Любить запрещает тебя... [3, I, 385]

Закон Моисея не существовал прежде земли... [3, III, 145]

– Павел:

...Оно не Павлово писанье... [3, V, 49]

– Соломон:

Когда бы Тирзу видел Соломон,

То верно б свой престол украсил ею,

У ног ея и царство, и закон,

И славу позабыл бы... [3, III, 376] и др.

- топонимы

– Израиль:

Плачь! Плачь! Израиля народ... [3, I, 145]

О, Израиль,

Израиль!.. ты скитаться должен в мире,

тебя преследуют стихи даже...» [3, IV, 68]

– Иерусалим (Ерусалим, Салим):

...ветвь Ерусалима... [3, II, 18]

...Салима бедные сыны... [3, II, 18]

Пророк рождён в Ерусалиме... [3, IV, 75]

Плачь, Израиль! о, плачь! – твой Салим опустел!.. [3, IV, 64]

–Иордан:

У вод ли чистых Иордана... [3, II, 18]

- слова, обозначающие религиозные реалии

И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал... [3, II, 68]
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит... [3, II, 54]
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют... [3, V, 18] и др.

2) **Библейские фразеологические единицы** – выявлены отдельные случаи употребления – могут функционировать в поэтических текстах как в исходном виде (выкрашенным гробам, терновый венец и другие), так и подвергаться структурной трансформации (бросали бешено камня и др.). Использование БФЕ способствует созданию особых образов – символов (например, разъяренной толпы в стихотворении «Пророк»).

Так в своем стихотворении «Пророк» поэт пишет:
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня... [3, II, 53]

Используя библеизм «бросали камня», поэт показывает не только непризнание обществом Законов Божьих, но и то, что оно пытается избавиться от всех, кто пытается сказать им правду о них и их жизни. Лишенный какого бы то ни было уважения со стороны общества, пророк теперь лишь нищий, побиваемый камнями, его обличительные речи и высокие призывы встретили враждебное отношение со стороны людей, погрязших в «злобе и пороке», «старцы» не верят в божественное предназначение героя стихотворения и самолюбиво поучают детей презирать его. Библейский фразеологизм «бросить камень» в стихотворении претерпевает изменения количественного характера, которые приводят к появлению дополнительного оттенка значения. Включение в границы фразеологизма качественного определительного наречия «бешено» приводит к возникновению нового, символического смысла, показывая самую высокую степень ненависти общества к пророку.

Чтобы отобразить мучения и страдания другого своего героя в стихотворении «Смерть поэта», М. Ю. Лермонтов использует библеизм «терновый венец»:

И прежний сняв венок – они **венец терновый**,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело... [3, II, 47]

Это же библейское выражение использовано и в стихотворении «Не смейся над моей пророческой судьбою...»:

Пусть гоним растопчет мой венец:
Венец певца, **венец терновый!**... [3, II, 73]

Выражение означает страдания, тяжелый мучительный путь; символ страдания. Возникло из евангельского рассказа о колчоме терновом венце, надетом воинами на голову Иисуса Христа перед казнью на кресте.

Используя библеизм «венец терновый», М. Ю. Лермонтов значительно обобщает, символизирует образ поэта и приравнивает его к Христу, распятому на кресте за проповедь истины. Поэтическое же поприще он сравнивает с крестной мукой.

3) **Цитатные библейские выражения.** Используется данный тип библеизмов единожды как эпиграф к поэме «Мцыри»: «Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю». М. Ю. Лермонтов изменил форму исходного

библейского текста. В полном варианте изречение звучит так: «*Вкушая, вкусих мало меда, омочив конец жезла, иже в руку мою, и се аз умираю*»; по-русски «я отведаль концом палки, которая в руке моей, немного меда; и вот, я должен умереть».

В свете концепции прецедентных текстов библеизмы являются в авторском тексте прецедентными высказываниями и вводятся в него следующими способами: упоминание, прямое цитирование, аллюзии и реминисценции. При этом чаще всего используются аллюзии и реминисценции, что свидетельствует о высокой степени освоения М. Ю. Лермонтовым первоначального прецедентного текста (то есть Библии) и является характерной чертой его поэзии.

Одним из наиболее ярких примеров использования аллюзий М. Ю. Лермонтовым является стихотворение «Нищий», в центре которого – образ нищего, который просит кусок хлеба. Черствость, бездушие и безразличие людей очень выразительно демонстрируется во второй строфе:

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку... [3, II, 18].

В Библии сказано: «*Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?*» (Матфей 7:9). В Нагорной проповеди Иисус Христос для пояснения безграничной любви и милосердия Божьего, которые обращены к просящему у Него человеку, представил окружающим людям образ голодного ребенка, который просит хлеба у своего отца, уточнив, что ни один любящий отец не отвернется от голодного просящего сына. Точно также и Господь Бог, являясь по отношению к людям заботливым Отцом Небесным, с любовью и вниманием относится к просьбам людей, обращающих свои надежды и чаяния к Богу.

В стихотворении «Валерик» есть такие строки:
У Бога счастья не прошу
И молча зло переносу... [3, II, 95].

Выражение «у Бога не прошу» является аллюзией. Его упоминание отсылает нас к Евангелиям от Луки и от Матфея: «И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Матфей 7:7; Лука 11:9).

Как указывалось выше, М. Лермонтов часто использует реминисценции. Например, строка: «*Твой стих, как божий дух, носился над толпою*» («Поэт») отсылает к картине сотворения мира: «*Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою*» (Бытие 1:2). Поэт у М. Ю. Лермонтова сопоставляется по этой линии не только с богодухновенным пророком, но с самим Творцом; иначе говоря, поэт призван влиять на народную толпу подобно тому, как творческие повеления бога благоустраивают первозданный хаос.

Почти столь же властная сила исходит от демонической и потому в чем-то богоподобной личности: глава народного бунта Вадим наделяется сверхчеловеческим могуществом вождя, толпа расступается перед ним, как «*некогда море, тронутое жезлом Моисея*» (ср. Исход 14:5-21: «*Вскоре, когда израильтяне вышли на берег Черного (Красного) моря и им некуда было бежать, египтяне стали настигать их... Бог повелел Моисею протянуть руку с жезлом к морю. Когда Моисей протянул свою руку, то Господь погнал морские воды*

сильным восточным ветром, так что в течение ночи часть моря перед израильтянами сделалась сушей, воды как бы расступились перед ними. И пошли все потомки Израилевы среди моря по суше, а вода же была им стеною по правую и левую сторону»). Тому же чудотворному Моисееву жезлу, высекающему воду из скалы, уподоблено поэтическое вдохновение, способное преобразить даже «отвратительный предмет»; этим величественным библейским сравнением М. Лермонтов неожиданно завершает шутовское и не вполне пристойное послание «Расписку просишь ты, гусар» (здесь М. Лермонтов, правда, смещал фигуру Моисея (Числа 20:8–11) с «пастырем Аароном» и его процветшим жез-

лом (Числа 17:8)) [4, 257].

Употребление библеизмов в поэтических текстах М. Ю. Лермонтова имеет четкую идейно-художественную направленность: многочисленные библейские образы использованы для характеристики качеств и состояний лирических героев, образы являются авторскими знаками, выступают в качестве своеобразных символов, формул, служат дополнительным средством аргументации, помогают стимулировать собственные авторские решения, давать представление о конфликте, лирическом герое, особенностях композиции и т. д.

Литература

1. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996. – 528 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. По заказу Казанской Епархии, 1994. – 1376 с.
3. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание сочинений в 5-ти томах / М. Ю. Лермонтов; под ред. Б. М. Эйхенбаума. – М.: Academia, 2007
4. Лермонтовская энциклопедия / Институт рус. литературы АН СССР (Пушкинский дом), Науч. – ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия»/ гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
5. Матвеева, Н. П. Словарь-справочник библеизмов русского литературного языка / Н. П. Матвеева, В. И. Макаров // Русская словесность. – № 3. – 1993. – С. 17-19